

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Бурный поток

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Бурный поток: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 468 с.

ISBN 978-5-519-95166-1

ISBN 978-5-519-95166-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА УЛИЦѢ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сегодня для редакціи ежедневной уличной газетки *Искорки* былъ положительно счастливый день, даже слишкомъ счастливый, потому что пріемная редакціи была биткомъ набита посѣтителями.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—съ заученнымъ достоинствомъ и холодною любезностью обращался секретарь редакціи къ очередному посѣтителю.

Эта стереотипная фраза, смотря по очереди, замѣнялась другими, не менѣе офиціально-безсодержательными, а посѣтителямъ проще секретарь съ сдержанною ироніей человѣка, привыкшаго быть постоянно на виду, довольно развязно бросалъ безцеремонную фразу: „Что прикажете?“ Вообще, не смотря на свою молодость, секретарь держалъ себя въ качествѣ представителя прессы и

журналиста вполне безукоризненно и умѣлъ необыкновенно эффектно и складно въ тактъ разсказа кліента повторять ничего не выражавшее: „Да, да... та-акъ!“ Этотъ министерски-неопредѣленный, не то отрицательный не то утвердительный звукъ сильно смущалъ новичковъ, а болѣе проницательные и бывалые субъекты относились къ нему совершенно безразлично, какъ къ жуужанью двухъ зеленыхъ осеннихъ мухъ, напрасно колотившихся зелеными головками въ окно пріемной. Въ критическихъ случаяхъ, когда посѣтитель съ непривычки или отъ волненія совсѣмъ терялъ нить разсказа или начиналъ просто нести околесную, секретарь или навелъ его на потерянную мысль, или просто обрывалъ одной изъ тѣхъ условныхъ фразъ, какія неизбѣжно вырабатываются каждою спеціальностью.

Посѣтители ждали своей очереди съ терпѣніемъ порядочныхъ людей и дѣлали видъ, что совсѣмъ не слушаютъ бесѣды секретаря съ очереднымъ кліентомъ. Натянутое молчаніе собравшейся публики и взаимное, осторожное и подозрительное разглядыванье придавало пріемной видъ какой-то исповѣдальни или свидѣтельской комнаты окружнаго суда. Дамы отъ нечего дѣлать до тонкости изучали наружность секретаря и находили, что именно такимъ и долженъ быть настоящій секретарь: безукоризненный костюмъ, немного помятое, но еще красивое лицо, ве-

ликопная русая борода, дымчатые очки, бѣлыя руки поразительной чистоты съ безукоризненными ногтями, — все было необыкновенно хорошо и производило надлежащее впечатлѣніе. Громадный письменный столъ, занимавшій средину комнаты, былъ заваленъ кипами газетъ, дѣловыми бумагами, распечатанными и нераспечатанными письмами, папками и еще свѣжими корректурами; секретарь задумчиво игралъ синимъ карандашемъ и время отъ времени размашисто дѣлалъ имъ какія-то помѣтки на листѣ бѣлой бумаги.

Мужчины совсѣмъ не интересовались личными достоинствами и недостатками секретаря и машинально осматривали обстановку пріемной, смахивавшей отчасти на ссудную кассу, отчасти на плохой трактиръ. Запыленный потолокъ съ паутиной по угламъ, выцвѣтшіе синіе обои, измызганный бархатный коверъ на полу, сборная мебель съ попорченною обивкой и захватанныя двери, — все это, взятое вмѣстѣ, не могло особенно подкупить въ свою пользу, если бы до извѣстной степени не скрашивалось изящностью и безукоризненными манерами секретаря. Одна дверь изъ пріемной вела въ помѣщеніе конторы, гдѣ виднѣлось нѣсколько березовыхъ конторокъ со служащими и металлическая рѣшетка, за которой помѣщался кассиръ; другая дверь позволяла видѣть часть кабинета редакціи, длинной, узкой комнаты,

выходившей, какъ и пріемная, окнами на Караванную улицу. Редакція *Искорокъ* помещалась во второмъ этажѣ и катившіеся по улицѣ экипажи заставляли вздрагивать стекла въ рамахъ, на одно мгновеніе прерывая глухую ровную полосу смѣшанныхъ звуковъ, тянувшуюся со стороны Невскаго.

Набравшаяся въ пріемную публика была, что называется, „съ бору да изъ-подъ со-сенки“. Былъ военный генералъ въ отставкѣ, въ подержанномъ мундирѣ безъ погонъ и съ ученымъ значкомъ на груди; рядомъ съ нимъ сидѣлъ приличный господинъ съ смуглою фizioноміей, по всей вѣроятности, изъ одесскихъ грековъ или караимъ; дальше небрежно одѣтый старикъ съ длинными сѣдыми волосами, какіе еще носятъ старые профессора, молодой человѣкъ съ бойкимъ лицомъ, въ цвѣтномъ галстукѣ и перчаткахъ, какой-то цивилизованный купчикъ средней руки, нѣсколько сомнительныхъ личностей съ сомнительнымъ бѣльемъ и ногтями въ траурѣ и т. п. Чопорная старушка съ кожанымъ несессеромъ на стальной цѣпочкѣ сидѣла въ уголкѣ и безгласно отодвигалась отъ молодой особы въ лѣтней соломенной шляпѣ, очень развязно поглядывавшей на кокетничавшаго секретаря; нѣсколько другихъ дамъ сидѣли въ перемежку съ мужчинами и тоскливо бродили глазами по всѣмъ уголкамъ пріемной, которую, какъ тяжело больные, прикованные къ своей кровати,

успѣли изѹчить до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Передъ секретаремъ успѣли продефилировать уже до десяти кліентовъ, — какой-то издатель брошюры о несгораемыхъ постройкахъ, потомъ ветеринарный врачъ, претендовавшій на какую-то замѣтку въ *Искоркахъ*, дальше слѣдовали провинціаль- ный корреспондентъ, чиновникъ въ отстав- кѣ, старикъ еврей, обличавшій злоупотреб- ленія правленія какого-то промышленнаго общества. Теперь стоялъ предъ письменнымъ столомъ молодой человекъ въ высокихъ са- погахъ и непромокаемомъ пальто; блуждаю- щіе сѣрые глаза, блѣдное лицо и взъеро- шенные волосы придавали ему немного су- масшедшій видъ, особенно когда онъ начи- налъ дѣлать отчаянные жесты руками и улыбался странною, разсѣянною улыбкой.

— Въ чемъ же, собственно, заключается основная ваша идея, — допрашивалъ секре- тарь, растягивая слова, — т.-е. идея воздухо- плаванія?

— Моя идея? Знаете, этого я не могу вамъ объяснить, потому что это мой секретъ. Я надѣюсь въ непродолжительномъ времени взять привиллегію.

— Въ такомъ случаѣ, чѣмъ же можетъ быть вамъ полезна редакція?

— А вотъ сейчасъ... У меня составлены нѣкоторыя предварительныя соображенія; — говорилъ воздухоплаватель, запуская руку въ боковой карманъ и вытаскивая оттуда

объемистую тетрадку. — Ничего гадательнаго и фантастическаго я не допускаю, а иду строго научнымъ математическимъ путемъ и желалъ бы познакомить публику съ этими соображеніями.

Секретарь равнодушно перелистовалъ испещренную математическими формулами и чертежами тетрадку и, возвращая ее, холодно проговорилъ:

— Вамъ всего лучше обратиться куда-нибудь въ специальный журналъ, а мы не имѣемъ права одолѣвать публику математическими формулами.

— Помилуйте! — горячо вступился молодой человѣкъ. — Это именно дѣло текущей прессы знакомить публику съ послѣднимъ словомъ науки! Я увѣренъ, что за границею мою статью напечатала бы любая газета, потому что тамъ...

— Вотъ именно вамъ и слѣдуетъ обратиться въ одну изъ заграничныхъ газетъ, — замѣтилъ секретарь.

Воздухоплаватель молча сунулъ тетрадку въ карманъ и, не поклонившись, съ видомъ обиженнаго человѣка вышелъ изъ пріемной. Публика проводила его полунасмѣшливыми взглядами, а секретарь, не обращаясь собственно ни къ кому, проговорилъ:

— Это просто ужасно: на этой недѣлѣ имѣю удовольствіе выслушивать уже десятаго воздухоплавателя...

Въ публикѣ слышался сдержанный смѣхъ, а генералъ проворчалъ:

— Слѣдовало бы этихъ негодяевъ гонять метлой, только напрасно публику задерживаютъ... Не знаю, чего смотреть полиція!

Этотъ маленькій эпизодъ вызвалъ появленіе новаго лица: въ дверяхъ кабинета редакціи показался джентльменъ въ сѣрой лѣтней парѣ и въ золотомъ пенснэ; онъ испытующе обвелъ глазами шушукавшуюся и улыбающуюся публику, переглянулся съ секретаремъ и, мягко повернувшись на низкомъ каблукѣ, ушелъ назадъ. Это былъ хроникеръ и фельетонистъ *Искорокъ*, Романъ Ипполитовичъ Покатиловъ, модель и недосягаемый идеалъ для секретаря.

— Все то же и потому же...— лѣнливо проговорилъ фельетонистъ, шагая по кабинету съ заложенными за спину руками.— Ужъ только и публика!

Распахнувъ окно, онъ долго смотрѣлъ на улицу, гдѣ сѣялъ мелкій осенній дождь. По мокрому тротуару напротивъ торопливо бѣжала дѣловая публика, потому что было самое дѣловое время дня—два часа. Купеческіе молодцы неслись съ какими-то свертками подъ мышкой, подростки-модистки шмыгали съ большими картонами, облицованными клеенкой, устало брели чиновники, бодро шагали заученнымъ шагомъ солдатики, черезъ улицу, подобравъ юбки, перебирались ка-

жія-то дамы, мальчикъ-разносчикъ надрыва-
вшимъ душу голосомъ выкрикивалъ: „Вотъ
спички хорошія... хо-ор-рошія спички!“ Уз-
кая и глубокая улица походила на громад-
ный каменный корридоръ, всегда темный
и всегда полный народа. Экипажи сновали
взадъ и впередъ постоянно; съ трескомъ ка-
тилась карета, дребезжали убогіе ваньки,
медленно и тяжело катились ломовики. На
углу стояли два извозчика и зорко высмат-
ривали сѣдоковъ. Со стороны Невскаго съ
мягкимъ шуршаньемъ пролетѣла щегольская
коляска на резиновыхъ шинахъ. Прохожіе
смѣнялись новыми прохожими, экипажи но-
выми экипажами, и такъ безъ конца, точ-
но катилась сплошная живая человѣческая
волна, захлестывавшая съ Невскаго; гдѣ всѣ
звуки сливались въ одну смѣшанную полосу.

Напротивъ редакціи *Искорокъ* всѣ дома
были заняты разными заведеніями: въ под-
валахъ овощныя лавки, выше колоніальныя
магазины, часовой магазинъ, булочная, во
второмъ этажѣ—трактиръ, модный мага-
зинъ въ третьемъ—квартиры, въ четвер-
томъ—фотографія. Мѣсто было бойкое, на
юру, и торговый людъ старался облюбовать
здѣсь каждый уголокъ, выживая мирныхъ
жильцовъ. Изъ окна кабинета *Искорокъ* мож-
но было наблюдать, какъ въ панорамѣ, рѣ-
шительно все, что дѣлалось напротивъ: какъ
входили и выходили изъ магазиновъ поку-
патели, какъ по утрамъ пили чай въ трак-

тирѣ купцы, какъ работали у оконъ на швейныхъ машинахъ дѣвочки съ блѣдными лицами, какъ поднимали и открывали шторы, зажигали огни, выглядывали на улицу мужскія и женскія головы и т. д. Жизнь кипѣла ключемъ и все было на распашку, потому что специальная публика, населявшая эти этажи, привыкла жить на виду у всѣхъ и, не стѣсняясь, дѣлала свое ежедневное дѣло. Всѣ знали другъ друга, родъ занятій, привычки и даже слабости, какъ знали обычную публику, въ известное время дня бѣжавшую по тротуарамъ или подѣзжавшую къ магазинамъ. Конечно, каждый сезонъ имѣлъ здѣсь свою физиономію, но самое бойкое время было, все-таки, осенью, когда происходилъ наплывъ провинціальной публики, спѣшившей опростать свои карманы и закупить по магазинамъ всякой всячины для родного захолустья.

Покатиловъ любилъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть на улицу, что доставляло ему такое же удовольствіе, какъ другимъ слушать хорошую музыку. Это безконечное движеніе служило видимымъ проявленіемъ какой-то странной силы, клокотавшей, дробившейся и разливавшейся въ тысячахъ отдѣльных частицъ. Покатилову было пріятно сознавать себя дѣятельною точкой въ этомъ клокочущемъ морѣ, тою каплей, микрокосмомъ, въ которомъ отражается цѣлый міръ; онъ былъ живою частицей этого громаднаго цѣлаго и

любилъ отдаться созерцанію его кипучей жизни.

Стоя теперь передъ раскрытымъ окномъ, Покатиловъ обдумывалъ свой ближайшій воскресный фельетонъ, а кипѣвшая людьми и экипажами улица точно помогала ему въ этой работѣ. Темные, живые глаза Покатилова сосредоточенно были устремлены на одну точку, брови сдвинуты, на крутомъ, хорошо развитомъ лбу всплыло нѣсколько морщинокъ; онъ нѣсколько разъ ерошилъ слегка завитые русые волосы, уже рѣдѣвшіе на макушкѣ, и принимался даже обкусывать кончики русскихъ усовъ. Лицо у него было свѣжее и, пожалуй, красивое, но вѣрнѣе было назвать его типичнымъ, особенно когда онъ начиналъ улыбаться. Окладистая темная борода, правильный носъ и свѣжія губы очень нравились пожилымъ дамамъ, хотя въ лицѣ Покатилова часто являлось усталое непріятное выраженіе, точно онъ въ одинъ часъ старѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Это отъ проклятаго петербургскаго климата, — объяснялъ Покатиловъ.

На видъ ему можно было дать за тридцать, хотя онъ еще считалъ себя совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и всегда обращалъ особенное вниманіе на свой туалетъ. Въ этой щепетильности видѣлся зарождавшійся неисправимый холостякъ.

— Мечтаете, Романъ Ипполитычъ, — раз-